

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ОТНОШЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО МЕНЬШИНСТВА К ЭТНИЧЕСКОМУ БОЛЬШИНСТВУ

Е.В. УЛЫБИНА, А. ЛЕНСМЕНТ, И. АХМЕТ

Резюме

В статье рассматривается негативное отношение к представителям аут-группы в зависимости от объективных и субъективных факторов. В качестве объективных факторов выступает статус этнического меньшинства, которым обладают русские, живущие в Эстонии, а в качестве субъективных — уровень выраженности базовых убеждений. Полученные результаты показывают отсутствие значимых различий в уровне враждебности по отношению к эстонцам у русских, живущих в России, и у русских, живущих в Эстонии. Выявлены значимые различия в выраженности базовых убеждений у испытывающих и не испытывающих враждебность по отношению к эстонцам.

Ключевые слова: базовые убеждения, межгрупповые отношения, межгрупповая дискриминация

Согласно теории социальной идентичности, характер межгруппового восприятия существенно связан с процессом самокатегоризации. Отождествление с группой «хороших» дает индивиду ощущение комфорта, повышает самооценку через противопоставление членам других групп. Принадлежность к группе меньшинства, живущего в окружении представителей другой, доминирующей

культуры, может потенциально снизить самооценку субъекта, формируя у него негативную идентичность. Хотя сценарии адаптации человека в окружении инокультурного большинства разнообразны и многие из них могут быть успешны и вести к обогащению и развитию личности, признается, что ситуация адаптации в любом случае является стрессовой. Представители русской диаспоры в

Эстонии около 20 лет назад оказались в психологически невыгодном положении этнического меньшинства. В многочисленных социологических исследованиях (Тишков, 1993, Vihalemm, Mass, 2003, Симонян, 2003, 2004, Саар, 2006, Якобсон, 2006, Вихалемм, Калмус, 2008 и др.) отмечается, что в начале 1990-х годов русские переживали ощутимый дискомфорт, связанный с психологической реакцией на новый статус (Тишков, 1993). Многие русские в Эстонии не смогли справиться с ситуацией и до сих пор. По мнению тартуских социологов, «воспроизводство социальной депривации среди меньшинства уже является частью процесса культурного воспроизводства» (Вихалемм, Калмус, 2008, с. 112). Отмечается формирование признаков негативной этнической идентичности, при которой собственная национальность рассматривается как помеха в социальной адаптации: «Русские в основном убеждены в том, что этническая принадлежность играет решающую роль в продвижении в эстонском обществе. Это объясняет ситуацию, однако также может служить барьером, который не позволяет людям пытаться вступать в новые отношения и социальные сети» (Вихалемм, Калмус, 2008, с. 112).

В то же время исследователи отмечают, что в настоящее время уровень адаптации русской диаспоры в странах Балтии существенно повысился (Якобсон, 2006; Симонян, 2003, 2004; Саар, 2006). Согласно данным Р.Х. Симоняна, русская община в значительной степени адаптировалась. В наибольшей степени это касается молодых людей, выросших в

Эстонии. Они, по мнению Р.Х. Симоняна «отличаются от своих российских сверстников деловитостью, практичностью, трудолюбием... Они с самого начала не могли рассчитывать на чью-либо помощь и были поставлены в условия жесткой борьбы за выживание... Здесь их называют “еврорусскими”... Их меньше интересует проблема самобытности, в их мироощущении определяющую роль играет не столько национальное, сколько региональное сознание, т. е. социально-психологический феномен объединения людей не по этническому, а по территориальному признаку» (Симонян, 2004, с. 52).

Однако, по мнению В. Якобсона, говорить о формировании нового идентитета «еврорусских» несколько преждевременно (Якобсон, 2006). Исследователи, занимавшиеся изучением формирования идентичности русскоязычных в Эстонии, сходятся во мнении о наличии множественности идентичностей, которые не вступают в конфликт, а дополняют друг друга (Якобсон, 2006, с. 23). Характеризуя используемые стратегии адаптации, В. Якобсон отмечает, что большая часть русских в Эстонии рассчитывает на себя, а идентичность с определенной культурой играет в их жизни гораздо меньшую роль, чем стремление к достижению личностного развития. Это соответствует современным мировым тенденциям, заключающимся в том, что «многообразие и относительность современного мира определяют провозглашаемую индивидуальность идентичности, стремящейся найти опору в себе и своей субъективности» (Степанович-Захариевская, 2008).

Можно предположить, что и для русских в Эстонии кризис идентичности разрешается не столько за счет причисления себя к группе русских или «еврорусских», сколько за счет актуализации личностной идентичности. Субъективная психологическая значимость межэтнических отношений снижается, что позволяет выйти из ситуации межгруппового сравнения и межгруппового противопоставления. Это позволяет понять, каким образом при неравном социальном статусе выстраиваются продуктивные межгрупповые отношения. Согласно Х. Тэджфелу (Tajfel, 1979), повышение самооценки может быть достигнуто как за счет идентификации с хорошей и сильной группой, так и за счет акцентирования индивидуального своеобразия и сравнения себя с другими не по групповой принадлежности, а по индивидуальным признакам, что актуализирует личностную идентичность: «Человек будет прибегать к межгрупповым формам поведения (актуализируя социальную идентичность), если это кратчайший путь к достижению позитивной самооценки. Если же он может достичь ее на уровне межличностного общения (актуализируя личностную идентичность), ему нет нужды переходить к противоположным формам поведения данного континуума» (Павленко, 2000, с. 136). Возможно, для эстонских русских индивидуальные достижения выступают более эффективным средством повышения самооценки, чем опора на идентификацию с этносом или территорией. Соответственно, в восприятии этнического большинства значимым становится не групповая принадлеж-

ность, но индивидуальные особенности. В этом случае нет необходимости поднимать самооценку за счет дискриминации группы сравнения. Наличие личностной идентичности предполагает, что представители титульного этноса не воспринимаются как члены группы, по отношению к которой выстраивается противопоставление «мы — они», и потому не вызывают враждебного отношения.

Данные социологов (В. Якобсона, Р.Х. Симоняна и др.) позволили предположить, что актуализация личностной идентичности в межэтническом восприятии связана с особенностями базовых убеждений личности относительно себя и окружающего мира. Согласно мнению Р. Янов-Бульман, в основе того образа мира, который мы ментально конструируем, лежат три базовых предположения (убеждения): предположение о благосклонности мира; предположение об осмысленности мира; предположение о ценности собственного Я (Janoff-Bulman, Frieze, 1983, 1989) Одним из базовых ощущений нормального человека является здоровое чувство безопасности, основанное на убеждении, что мы хорошие люди, живущие в доброжелательном и осмысленном мире. И это не какое-то узкое представление (верование), а предельно абстрактная концепция, в основе которой лежит наше базовое доверие к миру и его приятие (Janoff-Bulman, 1992). Многочисленные исследования показывают, что нарушение чувства безопасности, наличие унижающего опыта, снижение самооценки и пр. способствует повышению враждебности к членам аутгруппы (Майерс, 1997, с. 461) Русские в Эстонии как

этническое меньшинство могут переживать ощущение психологического неблагополучия и испытывать негативные чувства по отношению к эстонцам как представителям доминирующей культуры. Характер отношения к другой этнической группе может быть обусловлен убежденностью в благоприятности внешней реальности, включающей и особенности других людей, так и убежденностью в ценности собственного Я. Эти факторы могут действовать совместно, усиливая друг друга, но, как показывают исследования, проводимые с использованием методики Янов-Бульман, убежденность в благосклонности мира, осмысленности мира и ценности собственного Я представляют собой относительно независимые показатели.

Это дает возможность предположить, что негативное отношение русских, живущих в Эстонии, к эстонцам обусловлено не только положением этнического меньшинства, но и выраженностью убеждений относительно ценности мира и самого себя с отношением к другой этнической группе.

Для русских, живущих в России, эстонцы не являются группой, с которой осуществляется сравнение по статусу, по месту в социальной реальности, они не занимают положение этнического большинства или меньшинства, и у них нет тех оснований для негативных чувств к эстонцам, которые могут присутствовать у «эстонских русских». Сравнение двух групп по уровню враждебности к эстонцам позволяет выявить вклад фактора опыта положения этнического меньшинства в характер отношения к аутгруппе.

Выборку составили представители русской диаспоры в Эстонии (далее используется обозначение РЭ) — 232 человека, 140 женщин, 92 мужчины, которые выросли и лично сформировались после восстановления независимости (1991 г.), т. е. либо родились в Эстонии (более 90% выборки), либо прибыли в Эстонию вместе с родителями в очень раннем возрасте (до трех лет). В исследовании принимали участие молодые люди, знающие эстонский язык лишь на уровне бытового общения и обучающиеся на русском языке. В контрольную группу вошли студенты Белгородского государственного университета г. Белгорода (далее используется обозначение РР) — 260 человек, 169 женщин, 91 мужчина. Все студенты обучались на тот момент на социо-гуманитарных факультетах, возраст — 18–20 лет. Этническая принадлежность определялась по самоопределению, русскими считались испытуемые, идентифицирующие себя как русские. Исследование проводилось в 2006 г.

Сравнение отношения к эстонцам русских, живущих в России, и русских, живущих в Эстонии, позволит выявить вклад опыта этнического меньшинства в формирование отношения к ним.

Уровень выраженности базовых убеждений определялся с использованием методики Р. Янов-Бульман (Janoff-Bulman, 1992) На основе теории об основных базовых убеждениях и ожиданиях Ронни Янов-Бульман разработала методику «Шкала базовых убеждений» (World Assumption Scale-WAS). Опросник, состоящий из 32 утверждений, позволяет получить оценку восьми основных

категорий, далее называемых шкалами базовых убеждений: благосклонность мира (BW, benevolence of world); доброта людей (BP, benevolence of people); справедливость мира (J, justice); контролируемость мира (C, control); случайность как принцип распределения происходящих событий (R, randomness); ценность собственного Я (SW, self-worth); степень самоконтроля (контроля над происходящими событиями) (SC, self-control); степень удачи или везения (L, luckiness). Методика (Психодиагностика толерантности..., 2008) переведена на русский язык, результаты апробации представлены в работе М.А. Падун и Н.В. Тарабриной (Падун, Тарабрина, 2004). Для выявления эмоциональных особенностей отношения к эстонцам испытуемых просили ответить на вопрос: «Что в первую очередь приходит вам на ум, когда вы думаете о представителе этой группы (мужчина-эстонец)?» И затем просили назвать качества, наиболее характерные для представителей этой группы.

Результаты исследования

В группе РЭ было получено 218 ассоциаций и 212 черт характера (характеристик). При обработке полученных результатов подсчитывалось (по форме: есть — нет) наличие негативно окрашенных лексических единиц как в ассоциациях, так и в характеристиках, данных каждым испытуемым. Негативная окрашенность оценивалась экспертами, в качестве которых выступили 8 студентов гуманитарных специальностей (непсихологов). В расчетах использовались те единицы, которые были оценены

всеми экспертами как отражающие негативное отношение в объекту. Так, к негативным не была отнесена характеристика «колхозник», так как не все эксперты сочли ее негативной. В число негативных попали высказывания: «лох», «фашист», «жадный», «злой» и др. Было выявлено 47 (19.9 %) случаев использования негативных характеристик по отношению к общему числу испытуемых. У РР было получено 221 ассоциация и 219 черт характера, 41 (15.7%) человек использовали негативные характеристик образа типичного эстонца. Различия с долей негативных характеристик эстонцев у РЭ по критерию углового преобразования Фишера не значимы.

В таблице 1 представлены результаты сравнения выраженности базовых убеждений РР и РЭ, использовавших и не использовавших негативные высказывания по отношению к эстонцам по критерию Манна–Уитни.

Для определения соотношения степени связи 1) положения этнического меньшинства (в нашем случае — места жительства испытуемых) и 2) убежденности в базовых ценностях с негативным отношением к эстонцам была использована бинарная логистическая регрессия. В качестве независимой переменной рассматривалось наличие — отсутствие негативных высказываний по отношению к эстонцам, в качестве предикторов — место жительства (Россия или Эстония) и баллы по 8 шкалам опросника Янов-Бульман.

В результате в вероятностную модель негативного отношения к эстонцам в качестве значимых предикторов оказались включены только показатели базового доверия к миру

Таблица 1

Значимость различий выраженности уровня базовых убеждений у РЭ и РР, использовавших и не использовавших негативные высказывания по отношению к эстонцам

Убежденность в базовых ценностях по методике Янов-Бульман	Русские в Эстонии				Русские в России	
	В благо-склоннос-ти мира	В спра-ведли-вости	В случайности как принципе распределения происходящих событий	В ценности собствен-ного Я	В благо-склоннос-ти мира	В доброте людей
Нет негативных высказываний	4.38	3.82	3.81	4.48	4.15	4.03
Есть негативные высказывания	4.05	3.39	4.35	4.19	3.75	3.78
Значимость различий	0.043	0.012	0.000	0.031	0.013	0.029

($B = -0.453$, $p = 0.001$). Процентный показатель верных прогнозов равен 81.9%. Остальные переменные, в том числе и место жительства, не оказывают значимого влияния на отношение к представителям аутгруппы.

Для определения вклада каждого фактора в вероятность негативного отношения к эстонцам РР и РЭ отдельно также была использована бинарная логистическая регрессия. Результаты показали, что у РЭ при последовательном исключении предикторов, не значимых для предсказания негативного отношения, на 6-м шаге в качестве значимых остались показатели убежденности в случайности как принципе распределения ($B = 0.779$, $p = 0.000$) и справедливости мира ($B = -0.664$, $p = 0.002$). Процентный показатель верных прогнозов при этих предиктах равен 80.2.

В выборке РР при последовательном исключении предикторов, не значимых для предсказания негативного отношения, на 7-м шаге остались только показатели убежденнос-

ти в благосклонности мира ($B = -0.471$, $p = 0.01$). Процентный показатель верных прогнозов — 84.2.

Обсуждение результатов

Предположение о том, что негативное отношение русских, живущих в Эстонии, к эстонцам связано не только с положением этнического меньшинства, но и с выраженностью базовых убеждений, подтвердилось. Анализ показал, что количество негативных высказываний, которые РЭ и РР употребляют по отношению к эстонцам, не обладает статистически значимым различием. Результаты бинарной логистической регрессии показали, что место жительства не позволяет на значимом уровне предсказать наличие отрицательного отношения к эстонцам. Включение этого показателя снижает процентную вероятность прогнозов. Но наличие негативных высказываний в общей выборке, объединяющей РР и РЭ, значимо зависит от низких показателей

убежденности в благосклонности мира. Можно предположить, что испытуемые, не уверенные в том, что мир хорош и ему можно доверять, испытывающие дефицит базового доверия к миру, проецируют негативное отношение к реальности на образ представителей другой этнической группы.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что РР и РЭ не отличаются на значимом уровне в выраженности негативного отношения к эстонцам, а в предсказание негативного отношения к эстонцам у РР значимый вклад вносит только уровень убежденности в благосклонности мира. Это позволяет утверждать, что негативное отношение к представителям аутгруппы участвовавших в исследовании РЭ не связано с опытом непосредственного общения с ними и положением этнического меньшинства. Участвовавшие в исследовании РЭ, как об этом говорилось ранее, относятся к поколению, достаточно адаптированному в социальной реальности современной Эстонии. Им, как показывают названные социологические исследования, свойственно надеяться прежде всего на собственные силы и рассчитывать на результаты собственной активности (Симонян, 2004; Вихалемм, Калмус, 2008). Насколько полученные результаты, свидетельствующие о независимости негативного отношения к представителям аутгруппы от положения этнического меньшинства, могут быть распространены на другие возрастные группы РЭ, должно быть установлено в специальных исследованиях.

У РЭ отношение к эстонцам связано с большим количеством базовых убеждений, чем у РР, и эта связь

имеет более высокую степень значимости. Различия есть и в содержании шкал. Наибольший вклад вносит убежденность в случае как принципе распределения происходящих событий и убежденность в справедливости мира. Можно предположить, что для РЭ эти шкалы конкретизируют общее позитивное или негативное отношение к реальности. Как показывают данные рассмотренных выше социологических исследований, в современной Эстонии эстонцы находятся в более выигрышном положении, обусловленном их этнической принадлежностью, что может казаться случайным и несправедливым. Оценка ситуации как случайной и несправедливой создает у человека ощущение своей слабости и беспомощности, зависимости от обстоятельств. При этом человек может искать дополнительные основания для повышения самооценки и преодоления неуверенности в ситуации. Таким основанием, в частности, может стать приписывание членам более удачливой группы негативных качеств, что повышает субъективную ценность принадлежности к своей группе.

У РР отношение к эстонцам связано меньшим количеством показателей убежденности в базовых ценностях, чем у РЭ. Для жителей Белгорода эстонцы не являются этническим большинством, имеющим более благоприятное социальное положение, и отношение к ним не строится на основе противопоставления по статусу. Их отношение к эстонцам может быть предсказано с достаточно высокой вероятностью лишь на основе уровня убежденности в общей благосклонности мира.

Хотя группы РЭ, высказывающих и не высказывающих негативное отношение к эстонцам, значительно отличаются по показателям убежденности в ценности Я и благосклонности мира, значимость этих показателей ниже и они не вошли в модель, предсказывающую негативное отношение к аутгруппе.

У РЭ отсутствуют связи отношения к аутгруппе с уровнем убежденности в доброте людей и контролируемостью ситуации. Это позволяет говорить о том, что объективные элементы опыта, в том числе опыта общения, не связываются с эмоциональной оценкой представителей другой культуры. Возможно, оценка доброты людей складывается из опыта межличностного общения, не учитывающего этнической принадлежности.

Негативное отношение к эстонцам у РЭ может быть одним из факторов, препятствующих вступлению в социальные сети и снижающих вероятность преодоления депрессив-

ных тенденций, о чем говорится в цитированном исследовании Вихалемма и Калмуса (Вихалемма, Калмуса, 2008). Отсутствие социальных связей, в свою очередь, ухудшает социальное положение субъекта что может снижать убежденность в справедливости мира и вызывать еще более негативное отношение к представителям титульной нации.

Выводы

Полученные результаты показывают, что уровень враждебности к аутгруппе (количество негативных высказываний) не связан с положением этнического меньшинства. Но негативное отношение к этническому большинству связано с уровнем убежденности в справедливости мира и собственной удачливости, тогда как отношение к другой этнической группе, не занимающей положение этнического меньшинства, связано с уровнем убежденности в благосклонности мира.

Литература

Вихалемм Т., Калмус В. Дифференциация ментальностей основных этнических групп в Эстонии // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 104–114.

Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1997.

Павленко В.Н. Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 135–141.

Психодиагностика толерантности личности. М.: Смысл, 2008. С. 66–71.

Падун М.А., Тарабрина Н.В. Когнитивно-личностные аспекты переживания травматического стресса // Психол. журн. 2004. № 5. С. 5–15.

Саар Э.А., Казюля М.П. Неэстонцы в современной Эстонии: перемены в жизни // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 61–69.

Симонян Р.Х. Россия и страны Балтии. М.: Academia, 2003.

Симонян Р.Х. Перемены в массовом сознании российской диаспоры // Психологический журнал. Т. 25. 2004. № 2.

Степанович-Захариевская Д. Актуальность исследования идентичности в условиях общественной трансформации на Балканах // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 99–104.

Тишков В.А. Русские как меньшинства (пример Эстонии) // Общественные науки и современность. 1993. № 6. С. 110–124.

Якобсон В. Русскоязычные как часть населения Эстонии: 15 лет спустя // Мир России. 2006. Т. XV. № 4. С. 143–170.

Janoff-Bulman R. Shattered assumption: Toward a new psychology of trauma. N.Y. : Free Press, 1992.

Janoff-Bulman R., Frieze I.H. A theoretical perspective for understanding reactions to victimization // Journal of Social issues. 1983. 39. 1–17.

Janoff-Bulman R. Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Applications of the schema construct. // Social Cognition. 1989. 7. 113–136.

Tajfel H. Individuals and groups in social psychology // Brit. J. Soc. and Clin. Psychol. 1979. 18.

Vihalemm T., Mass A. Identity Dynamics of Russian-Speakers of Estonia in the Transition Period // Journal of Baltic Studies. 2003. 1.

Улыбина Елена Викторовна, профессор Российского государственного гуманитарного университета им. Л.С. Выготского, доктор психологических наук

Контакты: ulib@mail.ru

Ленсмент Анжелика, Институт международных отношений Таллиннского Технического Университета, лектор, магистр философии, магистр психологии

Контакты: alensment@yahoo.com

Ахмет Ильзия, экономический факультет Таллиннского Технического Университета, доцент, кандидат экономических наук

Контакты: ilzija.ahmet@tseba.ttu.ee